

пролог

Из Враньего Яра сочилась мгла. Стелились тени вдоль леса, напивывая травы невиданной доселе силой — лихой, горькой, родившейся из слёз и проклятий. Только людских ли?

«Оберни-ись», — тянулся ниточкой шепоток.

«Оберни-ись», — вторил ему другой голос.

«Куда же ты уходишь?» — отзывался третий.

«Думаешь, будет тебе дом полна чаша да скрини с добром?» — А этот, насмешливый, звонкий, соловьиный, Горяна узнала сразу.

И побежала.

Бояться ей было нечего — ворожба не могла выйти за пределы Яра. Осталась там, привязанная к родной земле, к кореньям, что вились вдоль околицы, к камням, под которыми прятались золотистые цепочки резов. Хорошо их заклала Горяна — три дня и три ночи не спала и не ела, прикармливая навьюей кровью.

Теперь не вырвется злая воля, не ринется следом, не схватит её за косу, чтобы утянуть обратно в омут да так и оставить.

А лес надвигался сзади, становясь всё гуще, мрачнее, даром что большак расстелился совсем рядом. Ветер шевелил путанные кроны — а те и рады. Шелестели листья, покачивались берёзовые ветви, журчала вдали речка. И в каждом движении, шорохе слышалось:

«Верни-ись! Не покидай!»

«Помнишь? Помнишь? Ты же так любила, так плясала!»

Ах, вот оно что! Горяна почувствовала укол: тянулась чужая рука к воспоминаниям, пыталась их перебрать да вытащить наружу самые тёплые, словно Ярилины лучики и купальские костры. Нет, не получится! Давно уж прогулялась Леля-весна, унеслась вслед за ней и добрая половина лета. Разделились дороги. Та, что осталась позади, — высланная пеплом, костями и кровью. Не такой участи желала Горяна. Не той доли искала.

«Не спасё-ёшься! Быть тебе моими руками, серпом Полудницы, когтями мавок!»

Треть лучины оставалось до большака. Уже и чаща, и перелесок замерли, сдавшись, остался только луг, а за ним — мир, такой же опасный. Впрочем, хуже не будет. Мало кто тронет девку из проклятых земель: Яр-то давно всякий добрый человек объезжал.

Болтали о нём всякое: и что не осталось в тех краях ни одного живого человека, и что нечисть там в великих почестях, и что нет места гаже, грязнее, кровавее, и что ни одно иноземное капище там не приживётся (кажется, они звались иначе, но как — Горяна не знала), и что тамошние бабы рожают чудовищ и якшаются с Лешим.

Благодаря этой полуправде Враний Яр и впрямь стал излюбленным местом для ворожбы и всевозможного чёрного волхования. Если к ним и приезжали гости, то только за проклятьем или чудом — заговоры, порчи водились в каждой деревне.

Горяна понимала: непросто ей будет среди люда. Лучше уж быть без роду и племени. Да только выбора боги не оставили.

«Получай же!» — а вот теперь она показала настоящее лицо.

Прохладный ветер вдарил в спину, прошёлся по подолу рубахи, коснулся червонного обережного шитья, заставив насторожиться и прислушаться. Что-то бежало за ней, что-то с рыком приближалось. Сердце застучало так, что, казалось, вот-вот выпрыгнет. Не помня себя, Горяна достала из-за пазухи подвязанный мешочек с полынью, сжала.

Вовремя! Нечто пересекло опушку и выпрыгнуло на середину луга. Не упырь, не оборотень, не волчий князь — чудовище. Половина тела соткана из веток и земли, вторая — из шерсти, вместо очей — тёмные провалы, а с клыков стекает речная вода.

Оно мазнуло когтями по траве, зарычало и пошло на Горяну, тесня её в лес. А оттуда — она почувствовала — уже тянулись женские руки, готовые схватить, забрать, вернуть. Будто потерянную вещь.

«Верни-ись, верни-ись, Горянушка!» — призывно напевал ветер. — *«Не будет тебе доброй жизни средь люда. В такую лихую годину из дома уходишь, себя на растерзанье собакам отдаёшь, меня убиваешь!»*

— Сгинь! — топнула ногой Горяна. — Во имя чуров да Хорсовых врат да земли-магушки!

Одним махом она развязала мешочек. Засушенная полынь взвилась дугой, мазнув по морде чудовища. Оно завыло, заскулило и попятилось к лесу. И правильно — пусть забивается во тьму, из которой пришло.

«Ты ещё придёшь ко мне, по своей воле или по чужой!» — Зловещий хохот заплясал в кронах, кольнул шею холодом и исчез.

Сильна, ох и сильна! Такую не одолеть заговором и травой. Горяна нахмурилась, едва ступив на большак. Куда идти-то? Хотела подальше, чтобы разделяли их и земля, и вода, и огонь — да только как? Она ведь найдёт, протопчет тропку зверьми, птицами или людьми. Рано или поздно.

Горяна поплелась по большаку, перебирая крохи мыслей. Хорс наклонил светлую голову вниз, словно надеясь умаслить сырую землю, отогреть и оживить.

«Зря старается», — мрачно хмыкнула Горяна.

Уж что-что, а Враний Яр солнечному богу не спасти. Не он там хозяин.

Через лучину показалась деревенька, полуглухая, с покосившимися избами и землянками. Но живая! Какое же счастье — набрести на людей. Может, и разговор какой завести получится, расспросить, чего да как.

Чуть поодаль от околицы Горяна заметила странную постройку — вроде и похожую немного на баню или хлев, но дышащую незнакомой пугающей силой. Подумалось

о Враньем Яре, но чутьё подсказало: нет, другая у этой силы природа. О том же говорили и два скрещённых полена у порога. Сколько раз *она* пугала Горяну этим знаком! Как шипела, кричала, мол, увидишь — не приближайся, прокляни да обойди.

На губах расцвела хитрая улыбка. Путь нашёлся сам собой, и на нём не было места ни чудовищам, ни путам, что тянулись из родных земель и грязью липли к подолу.

Тяжело оставаться человеком среди дикарей, ещё тяжелее — укреплять дух и нести им веру, принимать каждого как брата, несмотря на ожерелья из трав и перьев, резы и обережную вышивку. Тёмный народ, что уж тут поделывать.

Андруш повторял эти мысли, чтобы не забыть, смирял гордыню. Да, он умел читать и писать, на его родине лилась рекой пресветлая вера, полнились знания, но не ему наслаждаться этими дарами. По крайней мере, не сейчас — Отец отцов призывал Андруша отправиться в загнивающее княжество и осветить путь тем, кто придёт после.

Пегий конь нёсся через степь к Житнему Граду — медовому, богатому. Жаль, эта сокровищница поросла поганой верой, подобно той, что таилась в пёстрых языческих храмах ушедших времён. Какое роскошество — и какая бесславная погибель! Андруш надеялся, что этих-то людей ещё можно спасти. Бог милостив, он поймёт, прижмёт к сердцу и очистит. Если понадобится — огнём.

В голове вертелся разговор с первосвященником. Кусочки снова сложились в единое целое — и он начал вспоминать:

— *Правда ли, отче, что меня высылают за грехи? — возмущённый тон, искусанные губы, взлохмаченная русая копна. Да, он не отличался послушанием, из-за чего и проводил вечера у креста. Но чтобы прелюбодеяние! — Я никогда... даже не приближался, и в помыслах не было ничего подобного!*

— *Андруш, — крупная рука легла на плечо, перстни блеснули в свечных огоньках, заплясали рубины и смарагды в позолоте, — тебя никто не винит.*

— *Но отсылают, — он склонил голову.*

Андруш и сам не мог объяснить, как так вышло. Вот он возвращается в келью, вот молится перед сном — а дальше молочный туман. Утро застало его на женской половине — и это перед принятием сана!

— *Поезжай, мальчик мой, — покровительственно сказал первосвященник. — Пусть путь твой будет светел, а сердце милостиво. Поезжай!*

«... от греха подальше», — читалось в глазах.

Уже на постоялом дворе мелькнула догадка: всё не просто так. Клубок церковных интриг опутал его дурной славой — за то, что был не в меру искренен в вере, рвался вперёд, задавал неудобные вопросы, косился на дорогие камни, шелка и восточных купцов. Теперь-то Андруш понял всё.

— *Отче, ты ведь сам говорил, что их души полнятся грязью и что им нельзя ступать в дом Господень без покаяния!*

*В храме повисла тишина. Замерли восточноимперские послы, недобро сверкнули глаза первосвященника, звякнул кривой нож на чужом поясе. Полилась песком жуткая, неясная речь. Чутьё подсказывало Андрушу: не было в ней ничего благо-
честивого.*

И это его, защитника веры, окрестили блаженным и попросили «дорогих гостей» не смотреть в его сторону! После того пира церковь перестала быть ему родным домом, будто осквернил кто, спясавав на кресте лихой танец. А первосвященник смеялся и просил служек подливать побольше вина. И кому! Им, имперцам, что не гнушались торговать людьми, держали целые дома невольниц, принимали господних детей за собак! Ух, Андруш бы им всё высказал! Все слова о милосердии излил бы, наказал бы покаяться и вовремя спастись от геенны огненной!

За великодушие и веру он и поплатился изгнанием. Церковь не отворачивалась от него, но наблюдала, проверяя — выживет или потонет, как многие перед ним.

Немало слухов доходило до Андруша — и о проклятых землях, и о князе, что женился на медведице, а та родила ему сыновей-оборотней. Злые языки болтали, будто те ночами превращались в странных зверей и требовали кровавых жертв — а люди и рады стараться!

В самых ужасных снах Андруш не мог представить подобного. Он верил, что у князя и княгини есть сердца. Так же как человеческие лица, души и Божья искра. А значит, они хотя бы выслушают, а дальше — как рассудят высшие силы. Главное — начать с малого, с тонкой свечки, а дальше — как вспыхнет, как разгорится!

По пути попадались почти безлюдные, заброшенные постройки с деревянными крестами — и богатые капища с резными кумирами, камнями, что светились золотом и бесовской волшбой. Уши почти улавливали голос, идущий из недр земли, полный отчаяния и ужаса. Стонало княжество, кричало: «Спаси нас, вызволи из оков тёмной веры, освети путь и проведи к Богу».

В самом деле — не отсиживаться же в храмовых чертогах, пока иные погибают от демонических чар! Да-а, правильно поступил первосвященник. Может, всё-таки сразу разглядел в Андруше страстное сердце и острый ум? Может, давно присматривался и собирался поручить это непростое дело первому из последних?

Поправив отросшие пряди, Андруш натянул поводья и остановил коня, надеясь отыскать ночлег под Житним Градом. В деревне как раз стояла захудалая церквушка — можно справить службу и обратиться к людям со всей искренностью. Уж что-что, а это он умеет. А там, глядишь, вспыхнет искра — и понесут они пресветлую веру в свои дома.

Да, пора бы уже нести Слово дикарям. Даже если на тебя глядят как на нечистого духа.

